

АМОРА - ALLIANCE

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ОХОТА НА ОБЕЗЬЯНУ

следствие ведет клоун

Клоунские детективы

Даля Трускиновская

Охота на обезьяну

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Охота на обезьяну / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
— (Клоунские детективы)

Сыщик может играть на скрипке, как Холмс, курить трубку, как Мегрэ, или вязать чулки, как мисс Марпл. А вот выступать на манеже никому из них до сих пор не приходилось. Рыжий клоун Артем знает: расследование самых таинственных преступлений – это отнюдь не представление, хотя участие в нем требует безупречного владения ролью. Ведь настоящий сыщик должен не только метко стрелять и разбираться в ядах, но и владеть мастерством иллюзиониста и бесстрашием канатоходца.

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Далия Трускиновская. Охота на обезьяну

Далия Трускиновская

Охота на обезьяну

(повесть)

– Ну, как? Хочешь быть обезьяной? – с надеждой спросил Артем.

Наступило молчание. Четверо солидных и прилично одетых мужчин уставились на долгоязого сопляка. Задумчивость этого драного джинсового балбеса их раздражала. Они, трое взрослых, зависели сейчас от решения сопляка.

Самый старший, шпрых Антон Петрович, вздохнул и пробасил:

– Куда уж дальше-то...

Действительно – дальше было некуда. Тощий восемнадцатилетний балбес, ростом под два метра, носил длинный светлый хвост, что при подбритых висках выглядело диковинно. И еще у него в правом ухе было два серебряных колечка, а в левом – семь.

– Ага, – сказал балбес.

– Я говорил, что на панка можно положиться! – обрадовался Артем. – Так что в половине пятого прошу на репетицию!

– Ага, – согласился балбес, повернулся и ушел.

– Твое приобретение, – буркнул Антон Петрович. Тарасов, старший униформист, покосился на Артема, но промолчал.

– Мое... – Артем покачал головой, как бы удивляясь собственной отваге.

Хотя на самом деле все было не так. Панка принял на работу Гаврилов, жокей-сальтоморталист. У Гаврилова не было другого выхода. Оба его конюха покинули цирк. Первый конюх, Наташка, в возрасте тридцати девяти лет оказалась беременна и собралась домой рожать. Второй конюх, Ирма, допилась до таких приключений, что выдавшие всякое цирковые артисты посоветовали Гаврилову немедленно ее уволить. Возможно, против мужчины-алкоголика при лошадях они бы не так возражали, но основательно пьющая женщина внушала им какой-то ужас.

Гаврилов пошел к Артему и попросил красиво написать объявление. Мол, требуется служащий по уходу за животными, зарплата маленькая и работа выездная. Как Ирма внушала цирковым ужас своим пьянством, так Артем – нечто похожее вечными стопками книг на полу у гримировочного столика.

Поэтому к нему приходили за помощью при заполнении анкет и прочих письменных проблемах.

Объявление провисело на цирковых дверях и окрестных столбах две недели.

Беременная Наташка ежедневно грозила все бросить и уехать, Гаврилов умолял, Наташка откладывала отъезд еще на пару деньков...

А тем временем программа практически завершила работу в этом городе. И Гаврилов решительно не понимал, как без конюха перевозить лошадей в другой положенный по плану циркового конвейера город.

Тут-то и появился балбес с хвостиком.

Он честно признался, что лошадей видел только по телевизору, что горячей любви к ним пока не питает, но вообще животных уважает и хочет работать в цирке и путешествовать. Вернее, признавались за него Артем и Гаврилов, а балбес в основном тарасил голубые глаза, говорил «ага», а если что-то отрицал – то мотал головой и гнусавил «мн-не-а!» Артему и Гаврилову стало очень любопытно, почему нужно вдевать в ухо сразу семь колечек.

– Я же панк, – объяснил балбес.

Гаврилов сперва чуть не выставил подозрительного претендента, но Артему парень чем-то понравился. Возможно, тем, что на случайную шутку неожиданно громко расхохотался, обнаружив полную обойму замечательных белоснежных зубов.

Артем как раз решал стоматологические проблемы и изумлялся ценам на пломбы с коронками. А тут такое богатство – и совершенно бесплатно.

Вторым аргументом оказался хвост панка. Артем как начал смолоду обесцвечивать волосы, так и под старость занимался этой неблагодарной возней. Только двадцать лет назад он делал ярко-желтой русую шевелюру, а теперь сражался с сединой. Седой клоун – это, знаете ли, неприлично. А панк без всякой химии имел желтый хвост.

Третьим аргументом была безвыходность ситуации.

Гаврилов сказал Артему, что в случае недоразумений отправит чистить лошадей самого Артема, и повел балбеса в отдел кадров – оформлять на работу. Тут выяснилось, что зовут его Андреем, что школу он бросил, что восемнадцатый день рождения отметил два месяца назад и что судимостей не имел.

Таким образом Артема стали считать как бы крестным папашей конюшенного панка.

Тот показал себя с лучшей стороны. Прямо-таки поселился в цирке. Все указания Гаврилова записал в блокнот. Прекрасно перенес путешествие с лошадьми в товарном вагоне. На новом месте не капризничал из-за гостиницы, согласился жить в общежитии прямо при цирке, да и вообще высывался мало. Единственно – стал на новом месте куда-то пропадать. В середине дня уходил часа на два-три. Гаврилов не возражал – парень молодой, пусть порадуется жизни. А Артем как-то случайно увидел его в компании таких же безалаберных панков с сережками.

Неподалеку от цирка был довольно большой парк. Сперва Артем, обнаружив его, усомнился – а можно ли тут выгуливать собак? Оказалось – всюду понатыканы таблички с зачеркнутым силуэтом пса, и тем не менее по газонам носятся стаи ухоженных аристократов. Хозяева же прохаживаются по дорожкам с поводками и дают дружный отпор всякому, кто со скандалом требует, чтобы на огромного, к примеру, дога или мощного ротвейлера нацепили намордник.

Естественно, Артем стал водить сюда Арга. Обаятельный курцхаар сразу вписался в собачью компанию, причем именно с догом у них завязалась поразительная дружба.

И все же Артему не хотелось, чтобы какой-нибудь собачий патруль, облеченный полномочиями, застукал его на газоне с собакой. Дойдет, чего доброго, до циркового начальства, а оно и так не в восторге от личной живности артистов. Собак обычно оставляют ночевать в гримерках, выгуливают впопыхах на цирковом дворе, и порядка все это как-то не прибавляет.

Артем стал искать укромное местечко. И набрел на странный закоулок, как бы отгороженный от прочего парка густыми шпалерами каких-то кустов с красными ягодами. Там стояли полукругом скамейки вокруг сухого бассейна с бетонными дельфинами посерединке. На бортике бассейна сидела молодежь с пивом, более или менее расхристанного вида. Кто-то спал на скамейках, причем спал вполне почтенно – разувшись, выставив параллельно снушенные кроссовки, укрывшись чуть ли не целым одеялом. Многие были в наушниках, а плееры висели на поясах. Кругленькая девица сидела прямо в бассейне, прислонившись к дельфинам, и мирно читала.

Молодежь ничем таким Артема не поразила. Похожие картинки он наблюдал в разных городах. Но среди юных оборотов сидел странный горбатый старик, лысый, но с остатками поседевших курчавых волос, тоже стянутых в хвостик.

Старик не то чтоб был центром компании, возможно, он просто случайно оказался в середине скамейки, но впечатление складывалось, будто вся эта неторопливая жизнь заверчена вокруг него. Может, потому, что сидел он совершенно неподвижно, инициативы не проявлял, а вот к нему время от времени обращались, и он вполне спокойно отвечал. Очевидно, старик был местной достопримечательностью.

Одет он был в молодежном вкусе – старые джинсы и все прочее, разве что без сережек.

Конюшенный панк сидел через две персоны от странного деда, держал в руке обойму магнитофонных кассет и что-то объяснял соседу, тыча пальцем в надписи на торцах. Артем разобрал одно слово – «дэтники». Кто это и что это – догадаться было невозможно, только, судя по восторгу панка, наверняка неудобоваримое. На пальце у Андрея был килограммовый перстень под серебро, с черепом, в который врубился топорик, и еще какими-то колючками.

На основании перстня Гаврилов отказался выдавать панку крюк для расчистки копыт, потому что перстнем это можно было сделать куда как удобнее. О том, что крюк, как и многие другие лошадиные мелочи, потерял Бог весть когда Ирмой, Гаврилов, естественно, умолчал.

Артем незаметно прошел вплотную к компании, потянул носом и поморщился.

Ребята курили травку. У Андрея сигареты не было, да и в цирке никто его курящим не видел, но Артема одолело беспокойство. Он решил поговорить с балбесом, но как-то обстоятельства не складывались.

И вот возникла обезьянья проблема.

Антону Петровичу втемяшилось поставить древнюю репризу «Обезьяна». Идея возникла как бы назло Артему, чьи изящные репризы вызывали смех, но не хохот. А старый шпрых хотел, чтобы в цирке гремело. Тем более, что между номером жонглеров и канатоходцев получалась огромная пауза. Нужно было установить стояки, натянуть канат, пристегнуть растяжки, ну и так далее. Вот шпрых и раскопал в костюмерной побитый молью обезьяний костюм.

Для репризы требовались сам Антон Петрович, Артем, еще двое и обезьяна.

Шпрых завербовал старшего униформиста, который участвовал в этой репризе чуть ли не сорок лет назал. Третий участник, Сережа Львов, вечный многообещающий мальчик и энтузиаст, был уже взрослый дядя с лысиной, но только собирался удивить мир. Он, можно сказать, сам предложил шпрыху свои услуги. Кой черт занес его в цирк, Артем понять не мог и не пытался.

Сережу все принимали как факт, как аксиому, а режиссеры – и как тяжелый крест. А работал он иллюзию, причем относился к своему номеру крайне азартно.

Кандидата на роль обезьяны не было. Опросили всех ассистентов, всю службу. Так оказалось, что именно в эти пять минут каждый имел неотложное дело. И только панк вроде как простаивал – гавриловский номер завершал первое отделение, и во втором панк мог высвободить необходимое время.

И вот четверо мужчин пришли в назначенное время на манеж, сели в первый ряд и настроились ждать. Шпрых держал на коленях пакет с обезьяньей шкурой. Артем чесал затылок Арго. Сережа разглядывал заграничный журнал с большими картинками. Черные глаза весело блестели – на картинках супермены в камуфляжных комбинезонах скакали через заборы и лупили из короткоствольных десантных автоматов. Тарасов поглядывал, что там делается в форганге – а там молодые униформисты разбирались с тачкой для ковра и нуждались в хорошем нагоняе. И так солидные мужчины возрастом от тридцати четырех до шестидесяти пяти протосковали десять минут.

Панк объявился молча. Просто вышел из бокового прохода, подошел и сел на барьер, спиной к манежу.

– Встать! – чуть ли не взвизгнул Антон Петрович. Панк вскочил.

– Я чего? Не так? – спросил он с большим удивлением.

– Примета плохая, – встрял Сережа. – Нельзя сидеть спиной к манежу. Не к добру!

Он очень гордился тем, что в цирке без году неделя, а уже все заморочки и вытребеньки наизусть выучил.

– Твое приобретение! – в очередной раз напомнил шпрых Артему.

– Начинаем, – Артем встал и перешагнул через барьер. Разборка по поводу панка была сейчас совершенно ни к чему.

– Начинаем, – согласился и Сережа.

Шпрех полез через барьер молча. Был он очень недоволен, что конфликт в зародыше сдох. Ему хотелось поговорить о дурной примете, о забвении циркового этикета и о прочих отвлеченных категориях.

– Ты, Андрей, «Обезьяну» когда-нибудь видел? – на всякий случай спросил Артем. Панк мотнул головой и отрицательно мыкнул. Тогда Артем начал рассказывать.

– Сюжет такой – Антон Петрович стоит в форганге. Он что-то хочет сказать зрителям. Вдруг налетаем мы с Сережей и орем: «Караул! Обезьяна!» Мы тащим с собой Антона Петровича, он упирается и спрашивает, в чем дело. Мы объясняем – только что из зверинца удрала огромная обезьяна. И удираем.

Потом мы еще раз по очереди пробегаем с криками. Цепляем дядю Тарасыча. И наконец Антон Петрович нас ловит и говорит, что обезьяну давно поймали.

Мы приходим в восторг, берем Тарасыча под руки, ведем на середину манежа и садимся на ковер.

Артем вывел панка на середину и показал, где будет сидеть с Сережей и Тарасовым.

– Мы сидим и вспоминаем, как испугались обезьяны. Мы обнимаемся, хлопаем друга друга по плечам, хохочем-заливаемся! И тут из бокового прохода появляется обезьяна, то есть ты. Эта обезьяна на полусогнутых крадется к нам со спины...

Артем показал, как именно крадется, почесываясь, жуткая обезьяна.

– Вау-у! – одобрил панк. Шпрех, еще не слышавший этого вопля, молча ужаснулся. Но Артем сразу догадался, что у панков так принято. А чтобы смутить Сережу, боевого индейского клича было мало. Тарасов же вздохнул...

– Обезьяна садится за нашими спинами и начинает копаться в Сережиной прическе, – Артем указал на зарождающуюся лысину иллюзиониста. – Он оборачивается, от ужаса теряет дар речи, вскакивает и удирает. Тогда обезьяна пододвигается к дяде Тарасычу. А мы с ним помираем со смеху и не замечаем, что Сережа исчез. Обезьяна пристаёт к Тарасычу...

– Тоже копается в прическе?

– Ну, может его за ухом почесать... – Артем покосился на старшего униформиста и сразу же дипломатично добавил: – С его разрешения, конечно.

– И он тоже убегает? – оживился панк. Очевидно, вообразил удирающего Тарасова, который нагонял-таки холода на цирковую молодежь.

– Ну, естественно, и он удаляется, – достаточно осторожно выразился Артем. – Остаюсь я. Мы с тобой обнимаемся... То есть, обезьяна передразнивает то, что мы тут втроем выделявали, понимаешь? Я повторяю «А как мы удирали! Ой, как мы испугались! А обезьяну-то давно поймали!» Зритель уже стонет. И наконец я к тебе поворачиваюсь.

– И тогда?

– Тогда – пауза. Держать, сколько сможем. И – разбегаемся. Я – галопом, а ты – вразвалочку.

Артем замолчал.

– Это – все? – осведомился панк.

– Все. Но ты не волнуйся, реприза проверена столетиями, народ ее хорошо принимает.

– Не волнуйся, не то что смеяться – ржать будут, – добавил Сережа. – Ну, начинаем, что ли?

Трое взрослых мужчин уселись посреди манежа.

– Мне подкрадываться? – спросил панк.

– Валей! – позволил Артем. И панк старательно запрыгал враскоряку, чеша пятерней под мышкой, как будто хотел продрать насквозь джинсовую курточку.

Шпрех неодобрительно смотрел на панка.

– Обезьяна из него никакая, – подвел он итог десять минут спустя.

Поглядел на Артема и добавил:

– Твое приобретение...

* * *

Однако выхода не было – и Артем за четыре дня вылепил из панка довольно приличную обезьяну. А когда дошло до костюма, когда панк подошел к огромному зеркалу за балетным станком и увидел себя в шкуре, с кошмарной ушастой и зубастой мордой – ну, тогда Артем понял, что не напрасно живет на свете. Мало того, что «Вау-у-у!!!», так парень еще изумлялся словесно, хохотал, скакал перед зеркалом и напоследок попытался почесать ногой за ухом. Но не вышло.

– Растяжки делать надо, – проворчал Артем, закинул ногу на балетный станок, показал, как нужно гнуться лбом к колену, и подумал, что потерял всякую форму.

Панк тоже немедленно закинул ногу, не учтя, что мотня мохнатых штанов болтается где-то на уровне его колен для создания подлинно обезьяньего силуэта. Раздался треск. И Артем повел панка в костюмерную – зашивать прореху...

Потом панк исчез. А через четверть часа пришел Гаврилов и попросил Артема выгнать панка из шкуры, потому что тот в обезьяньем виде пошел на конюшню хозяйничать. В общем, дебютант резвился, как дитя.

Посмотрев, как на конюшне огромная обезьяна орудует навозными вилами, Артем пошел на проходную к телефону.

И там к нему обратилась странная девочка в черных солдатских ботинках, обрезанных по колено джинсах и короткой куртке, из-под которой свисали какие-то клетчатые хвосты. Артем присмотрелся – и понял, что девочка обвязала вокруг талии мужскую рубашу. Впрочем, лицо у нее было вполне нормальное, даже милое, совсем без косметики. А вот фигурка – крепенькая, коренастая, особенно эти голые ноги в солдатских ботинках и смешных белых носках, по цирковым понятиям – вовсе никудышные ноги.

И что Артема особенно обрадовало – так это ее прическа. Девочка носила распущенные прямые волосы, темные с каким-то химическим оттенком, расчесанные на пробор. Это напомнило Артему молодость – тогда тоже так носили. Вот только солдатские ботинки ни одна девушка бы под страхом смертной казни не обула. И резать по колено раздобытые по особому блату и за неслыханные деньги «Вранглеры» ни за что бы не стала.

Между двумя жуткими ботинками стоял выдавший виды туристический рюкзак.

Судя по тому, что старая вахтерша демонстративно глядела в другую сторону, даже мимо маленького телевизора, они с девочкой друг друга не поняли.

– Добрый день, – сказала девочка. – Вы ведь артист, да?

– Артист, – согласился Артем.

– У вас работает такой Андрей Гашев?

– Андрей Гашев? – удивился Артем. Что панк зовут Андреем, он как-то не вспомнил сразу, а фамилии и не знал.

– Он что-то вроде конюха, – объяснила девочка.

– Конюх и есть, – сообразил Артем. – Позвать его, что ли?

– Позовите, пожалуйста! – взмолилась девочка. – Я тут бабушке никак объяснить не могу, она никакого Андрея не знает, а он мне срочно нужен!

– Сейчас схожу, – и Артем, поскольку звонок был не срочным, вернулся на конюшню.

Страшная обезьяна тащила ему навстречу два полных ведра – то ли с овсом, то ли с водой.

– К тебе там девица прибыла, – сказал Артем. – Такая, хипповая... В крутом прикиде.

Хейр по пояс...

И сам себе порадовался – вспомнил-таки подходящие слова из панковского лексикона.

Обезьяна донесла ведра до лавки и вернулась.

– Какая девица? – раздалось из-под маски. – Машка, что ли?

– А вот пойд и посмотри, – назидательно велел Артем. – Мне она не представилась.

– На вахте, что ли?

– На вахте.

– Ну, если это Машка!.. Вау-у-у! – весело воскликнул панк и поскакал прочь с конюшни, стараясь все же поберечь мотню мохнатых штанов.

Артем понял, что встреча чревата обмороком, и поспешил следом. Тем более, что звонить он еще не раздумал.

Он вышел на проходную сразу следом за панком и увидел такую картину.

Девочки уже не было, а к панку в обезьяньем образе направлялась высокая крупная женщина средних лет, одетая с большим вкусом и вообще вполне достойная внимания неплохо сохранившегося мужчины...

– Простите, вы ведь из артистов? – нерешительно обратилась она к обезьяне. Та с достоинством кивнула.

– Вы бы не могли позвать Андрея Гашева?

Артем улыбнулся – панк пользовался спросом. Но обезьяна развела огромными поролоновыми лапами и заторопилась обратно, в закулисные коридоры.

Тогда женщина посмотрела по сторонам и увидела, что рядом стоит этот самый хорошо сохранившийся мужчина и улыбается.

– Может, хоть вы мне поможете? – она шагнула к Артему. – Тут никто никого не знает! Мне нужен Андрей Гашев! Я специально приехала... Я только теперь узнала, где он... Найдите его, пожалуйста!

И Артем почувствовал, что его рот теряет улыбку и съезжается в какую-то недоуменную гримасу.

По каким-то туманным причинам панк не хотел встречаться с этой женщиной... чем-то очень похожей на него женщиной... ну да, если отвлечься от всякой дряни в ушах и отросшего «ирокеза», стянутого в модный хвостик, у панка было такое же правильное удлиненное лицо... и светлые глаза...

С ребенком все ясно, подумал Артем, ребенок сбежал из дому. Но не закладывать же его! Ситуацию нужно спустить на тормозах. И интересно, куда подевался другой ребенок, девочка в солдатских ботинках.

– Андрей Гашев? – изображая лицом напряжение памяти, переспросил Артем. – Знаете, мы тут Бог весть откуда собрались, еще толком не обзнакомились.

Схожу, поищу. Он кто, наездник?

– Да откуда я знаю, кто он! Что ему еще в голову ударило! – с отчаянием воскликнула женщина. – Он поступил кем-то в цирк и уехал! Поищите его, пожалуйста! А я тут обожду...

– Зачем же тут? – удивился Артем. – Сейчас артисты побегут, скоро же представление, вас затолкают. Давайте я вас в кафе отведу, там присесть можно, и от кофе вы тоже, наверно, не откажетесь.

– Я прямо с поезда, – сказала женщина, позволяя Артему взять со своего плеча небольшую, но здорово пузатую сумку.

Цирковое кафе имело два входа. Во время представления вход для зрителей был открыт, а служебный, соединяющий кафе с коридором, куда выходили гримуборные, закрыт. А во все прочее время артисты могли пользоваться кафе, не снимая махровых халатов и прочих репетиционных доспехов, зато посторонним сюда уж ходу не было.

Артем угодил как раз в перерыв – артистов уже не пускали, а зрителей – еще не пускали. Но тренированное обаяние профессионала опять сработало – и за столик его спутницу усадили, и кофе ей приготовили, вот только за салатом Артему пришлось самому идти на кухню.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – сказала женщина, вроде бы растрогавшись, но Артем видел – это пока еще только настороженная вежливость, тем более – женщина взбуждена и старается держать себя в руках. И ей жарковато в фирменном пиджаке, и ей кажется подозрительным цирковой салат, и она ломает голову, как бы с дороги привести себя в порядок...

Конечно, следовало первым делом найти панка и устроить ему выволочку.

Сказать, что убегать из дому – нехорошо. И пальчиком погрозить...

Вместо этого Артем поспешил на проходную.

Ему стало интересно – куда подевалась девочка в солдатских ботинках. Ей ведь тоже срочно потребовался Андрей Гашев.

Девочку он поймал в самую неподходящую минуту – перед ней распускали хвост братцы-акробаты Тетерины, ребятишки ненамного ее старше. Они старательно вспоминали, что за Андрей такой, перебирали по пальцам весь наличный состав и зазывали детку на представление.

– А батька их ищет! А они вон где околачиваются! – налетел Артем на братцев. – А он уже весь цирк на уши поставил!

Те оборвались на полуслове. Батька Тетерин был мужичком суровым. Опять же, акробаты начинали первое отделение. И братцам действительно полагалось бы сейчас разминаться и готовить реквизит – длиннющие, обмотанные блестящими лентами шесты.

Оба брата одновременно пропихнулись в узкую дверь.

Артем улыбнулся девочке.

– Андрей за кулисами, ему сегодня работать, – сказал он. – Если хотите, я могу отвести вас в ложу, посмотрите представление. Тем более, у Андрея сегодня дебют.

Но девочка не спросила, что за дебют такой. Она была встревожена примерно так же, как дама, усаженная в кафе, – старалась не подавать вида.

– А могу я его увидеть до представления?

– Лучше не надо. Он очень волнуется. А если узнает, что кто-то знакомый будет смотреть, то вовсе растеряется. Пойдемте-ка лучше в ложу, пока там еще места есть. А в антракте я его к вам пришлю, – пообещал Артем. – Лады?

– Лады... – неуверенно сказала девочка. – Я только рюкзак возьму...

И Артем понял – увидев женщину, она нырнула в туалет. Там и оставила свою невообразимый рюкзак. Артем – пусть дитя видит, чем мужчины отличаются от мальчишек, – взял его за ляжки и понес. Девочка пошла следом.

– Как вас звать-то? – спросил Артем, стараясь держать это страшилище как можно неприужденнее. – Что мне Андрею сказать?

– Скажите – Ика приехала. И очень хочет его видеть.

– Ика?

– Я вообще-то Ирина. Ирка, Ика... Я так себя в детстве называла.

– Ясно...

Артем повел Ику в ложу, соображая – как бы развести по углам этих двух красавиц, взрослую и девчонку, и что за дурные новости они привезли панку.

Первым делом не мешало бы увидеть самого Андрея.

Но его-то как раз и не было.

– Обезьяны моей никто не видел? – спрашивал Артем всех встречных.

Гаврилов только выругался – панку сейчас полагалось хозяйничать на конюшне, хоть бы и в мохнатой шкуре. Тарасов развел руками. Шпрех, естественно, сказал: «Твое приобретение!» Артем заглянул в закуток, где конюхи держали свое имущество.

Там на табурете висела обезьянья шкура...

* * *

– Это может быть все, что угодно, – бормотал Артем, накладывая грим. – Это может быть, что угодно...

Обезьянью шкуру он оставил там, где нашел. Возможно, панку зачем-то понадобилось выскочить на улицу, он вернется, оденется и исполнит свою роль в репризе. Это был бы идеальный вариант...

– Поймал! – объявил, входя без стука, Сережа. – Все правильно, дети не соврали. В общагу удрал.

– Ну и где же он? – сердито спросил Артем.

Сережа замялся.

– Ну?

– В подсобке...

Что означало – взятый на прием панк закинут в подсобку и надежно там заперт. Такие истории с Сережей уже случались.

– Это интересно, – заметил Артем. – Это даже радостно. И что же дальше?

– Я не хотел его тащить через весь цирк волоком.

– Упирался?

– Хотел удрать.

– Ну, насчет подсобки ты погорячился...

Сережа развел руками. Артем посмотрел на эти мощные волосатые руки, вздохнул и подумал, что панк – не самое удивительное создание, угодившее в цирк. Бывают еще и бывшие десантники...

Артем знал к тому же, что Сережа панком недоволен. Находясь в вечном поиске, он как-то обратил внимание, что панк носит с кассетами, и попросил у него хорошей музыки для своего номера. Панк понтересовался – в каком, мол, жанре? Сережа дал послушать кое-что подходящее для манежа.

– Это же попса! – с большим неодобрением охарактеризовал панк.

– А что теперь в моде?

– Тяжелый гранж!

По отзывам Сережи, работать под этот самый гранж было невозможно, а только раскачиваться из стороны в сторону и очумело мотать башкой.

– Что делать будем? – спросил Сережа.

Артем задумался.

– Вот что... Ты скажешь ему так... Вот как ты ему скажешь. Что мамка сидит в кафе и ждет, пока за ней придут. И что Ика сидит в ложе.

Запомнил? Мамка – в кафешке, Ика – в ложе.

– Кто в ложе?

– И-к-а. Затем ты ему скажешь, что я развел их по углам, что они не встретились, и пусть приходит дать указания – что с этими красавицами делать дальше. Но ни в коем случае не ругай.

– Он те надает указаний! – развеселился Сережа. – Он парнишка крепенький, хотя и длинный.

– И попроси кого-нибудь из детишек принести ко мне сюда шкуру.

– Есть!

Сережа отсалютовал и исчез.

– К пустой голове руку не прикладывают! – успел крикнуть вслед Артем.

Прозвенел второй звонок.

Полностью готовый к работе Артем смотрел на себя в зеркало. Отражение его не радовало – взгляд был озабоченный. Ну, сбежал панк из дому... дело житейское...

После представления придется держать речь перед возмущенной мамой, отстаивая бедолагу-панка. Обещать, что ребенок будет вести себя благопристойно... ни капли в рот не возьмет, разве что баночку пива... В конце концов, восемнадцать лет – это уже серьезно. Жениться, выходит, в восемнадцать можно, а трудоустроиться – нет?

– Переодевается на конюшне, – сказал, заглянув, Сережа. – Перепуган до полусмерти. Не представляю, что он на манеже будет творить...

И похлопал по загривку вставшего ему передними лапами на живот Арго.

– Ничего, я его сейчас обработаю, – Артем встал и улыбнулся образу Николая-угодника. – Ничего, ничего, Сереженька... Ты в свитере на манеж выйдешь?

– А что? Вполне приличный свитер.

Артем согласился – свитер хорошо облегал атлетическую фигуру бывшего десантника. И век бы ему оставаться в этом свитере, на кой ему сдался фрак с парчовым жилетом?! Сообразительный Сережа сам мастерил себе уникальный реквизит, но вот выступать с ним – это уже превышало его способности...

Обезьяну Артем обнаружил у форганга. Огромная обезьяна понуро стояла перед маленьким Гавриловым и выслушивала нагоняй.

– Не ломай человеку настрой, – сурово отодвинул Гаврилова Артем. – Ему же работать сейчас.

И похлопал обезьяну по плечу.

– Я сам с твоей матушкой разберусь, – пообещал он обезьяне.

– Не надо, – буркнул панк. – Только хуже выйдет.

Артем хотел было похвастаться, что не таких дам убалтывал, но прислушался к музыке – и понял, что через две минуты работать выходную репризу. А это – визитная карточка клоуна. Тут нужно блеснуть и создать себе репутацию на все представление...

Рядом оказался Сережа.

– Потом, потом, – отмахнулся от него Артем.

– Она в администрации, – шепотом сообщил Сережа. – Она из кафе вышла с Никольским, и он ее увел...

– Чтoб ей! – не удержался Артем. Завпосту вовсе незачем было знать, что у Гаврилова проблема с конюхом.

Гаврилов с интересом посмотрел на него.

Артем побежал на манеж. Портить настроение Гаврилову, да еще впопыхах, было совершенно ни к чему.

Он отработал выходную репризу немного взбудораженно, впрочем, публика приняла хорошо, смеялись. Следующая была через два номера – та самая «Обезьяна». Незаметно рядом оказался Тарасов. Сережа, по гениальному замыслу шпреха, должен был выбегать из бокового прохода. Сам шпрех стоял на манеже.

Артем обернулся в поисках панка – тот, прижавшись к стене форганга, смотрел в щель занавеса. И, похоже, именно на ложу, где сидела Ика.

– Не забыл, когда вылезает? – дернул его за пыльную коричневую кожуру Артем.

– Не-а...

Огромная обезьяна повернулась к нему.

– А где?... – спросила обезьяна.

– В кафе, успокойся! – соврал Артем. Естественно – ребенок боялся, что его узнают под этой огромной звериной рожей.

– Точно?

– Сам ее туда усадил. Да ты не дергайся, мы тебя вытащим! – уверенно сказал Артем. – И не из таких передрыг людей вытаскивали. А, Тарасыч? За мной однажды тоже мать приезжала...

Артему было тогда лет на шесть побольше, чем панку, и он собирался жениться на гимнастке. Это было подходящим поводом сбежать из насквозь протухшей театральной труппы, куда его с таким трудом засунули родственники.

Обезьяна покивала огромной рожей.

– Пхни его под зад, если что, – попросил Артем Гаврилова, зная – первый выход на манеж еще почище прыжка в холодную воду.

И потом, уже усевшись на ковре в обнимку с Сережей и Тарасовым, он исхитрился кинуть взгляд на занавес именно тогда, когда по замыслу появлялась обезьяна. Похоже, Гаврилов исполнил просьбу буквально.

Оказавшись чуть ли не посреди манежа, обезьяна затопталась на месте, повернулась направо, налево, вдруг вспомнила свою задачу и принялась яростно скрести подмышкой. И запрыгала на полусогнутых совсем так, как ее учили...

За кулисами Артем оказался под сплошной грохот. Очевидно, шпрех был прав – смех в цирке должен греметь, а не журчать. Следом за ним ввалилась обезьяна. Артем хлопнул чудовище по плечу.

– С дебютом, Андрей!

– С дебютом, с дебютом... – добавил ожидавший панка Никольский. – К вам, Гашев, мама приехала. Зайдите ко мне в кабинет.

– Никаких кабинетов! – вмешался Гаврилов. – Вон из шкуры и марш на конюшню – лошадей гулять!

– Он на работе все-таки, – добавил Артем. – А маму можно в ложу, представление посмотреть.

– Как только освободится, сразу же... – с тем Никольский ушел.

За что они с Гавриловым так друг друга невзлюбили – Артем понятия не имел. То ли спонтанная неприязнь с первого взгляда, то ли какая-то давняя история, которую каждый запомнил по-своему, так что до правды уже и не докопаться... Но вот встретились – и сразу все вспомнили, и первым делом друг на дружку надулись.

В таких случаях Артем сравнивал пожилых склочников с детишками в песочнице, не поделившими совочек и формочки.

К Никольскому Артем пошел в антракте, благо второе отделение почти все занимал аттракцион и делать там клоуну было почти нечего.

Разгримировываться он не стал, только скинул пестрые штаны и надел бархатный халат, достойный графа Монте-Кристо.

Элегантная дама сидела в крошечном кабинете завпоста и позволяла Никольскому распускать хвост. Это Артем и сам прекрасно при случае умел, и он бы ни за что не испортил игры тому же Гаврилову, но помешать Никольскому стоило хотя бы потому, что Артем сам в некотором роде положил глаз на маменьку панка. Не то чтобы всерьез, не то чтобы с далеко идущими намерениями, но все же, все же...

Конечно, цирковым канонам красоты она не соответствовала – была крупновата, но рост позволял ей это. И одевалась она, как дама-чиновник из среднего пошиба фирмы. И носила короткую стрижку – а цирковые предпочитали длинные волосы, с которыми, как ни странно, меньше проблем – укрутила в шиш, пристегнула шиньон, обмотала место стыка бусами и вперед, к аплодисментам! Артем и сам не уважал коротких стрижек, и не было оснований полагать, что взбудораженная женщина примет хоть какие-то ухаживания, но все же, все же...

Артем несколько раз бывал за границей – а Никольскому путешествовать не полагалось, хотя, очевидно, лишь об этом и мечталось. Его кабинетик был оклеен прекрасными афишами,

австрийскими, итальянскими и еще какими-то. К ним, естественно, и прицепился Артем. Промельком пустил слова «Париж», «Лондон», «Вена», и присел на край стола, отгородив Никольского от мамы панка.

– А парень у вас просто замечательный! – вполне искренне обратился он к ней, резко уйдя от заграничной темы. – Гаврилов на него не нарадуется.

Спокойный, исполнительный, дисциплину понимает! Книжки у меня читать берет...

Насчет книжек Артем преувеличил – панк взял всего одну, и та была словарем английского языка. Очевидно, пытался понять, о чем голосит любимая группа.

– Дисциплину понимает? – сразу же полезла в конфликт мама. – А что он из дому удрал, вы знаете?

– Знаю, – честно ответил Артем. Действительно – он уже с час, как знал это.

– И вы его оправдываете?

– Смотря в чем вы его обвиняете, – Артем улыбнулся и передвинулся по столу поближе к элегантной мамочке. – Из дому убегать и бросать школу, конечно, нехорошо. А в восемнадцать лет самостоятельно устроиться на работу, самому на жизнь зарабатывать, путешествовать, самообразованием заниматься – это, по-моему, даже неплохо.

– Какое самообразование? – Андреева мама чуть не вскочила. – Кассеты целыми днями слушать – вот его самообразование! С оболтусами по дискотекам бегать!

То ли она действительно была взволнована, то ли сейчас сама себя взвинчивала, чтобы справиться с ситуацией, Артем понять пока не мог.

– Так это дома, – снисходительно объяснил Артем. – Дома он – ребенок, вот и валяет дурака. А тут он – взрослый. И какие могут быть дискотеки, если он весь вечер – в цирке? И с утра у Гаврилова репетиция, Андрей должен лошадей кормить и готовить.

– Я вижу, защитник у него нашелся, – мама подвинулась так, чтобы видеть Никольского. – А вы что скажете? По-вашему, он прав?

Видно, агрессивность женщины уже порядком достала Никольского.

– Он столько с вашим сыном возился, что, может быть, и прав, – сказал тот.

Артему стало неловко за свои донжуанские маневры. Надо же – Никольский ему на помощь пришел...

Мама панка призадумалась.

– А что вы с ним делали? – уже спокойнее спросила она.

– Репетировал. Он у нас в репризе роль исполнил. Обезьяну сыграл, – объяснил Артем. – Для новичка совсем даже неплохо. Я ему все показал, объяснил... У парня, можно сказать, актерская карьера начинается!

– Карьера у него начинается!... – очевидно, мама вспомнила то чудовище, которое шарахнулось от нее на вахте. – Послушайте, раз уж вы действительно его... к нему... Ну, в общем...

– Хотите, чтобы я уговорил его вернуться домой? – понял Артем. – Мне-то лучше, чтобы он в цирке оставался. Только-только парня в репризу ввели...

– Он должен вернуться домой, – негромко и хмуро сказала женщина. – Должен, понимаете? Это серьезней, чем кажется. Дело вовсе не в том, что он бросил школу...

И замолчала.

Артем через плечо посмотрел на Никольского. И оба чуть заметно пожали плечами. Артем рукой показал Никольскому – погоди, я сейчас во всем разберусь... И шевельнул пальцами в сторону двери – давай, мол, оставь меня с ней...

Никольский выбрался из-за стола, сказал про свои рабочие обязанности и закрыл дверь с той стороны.

– Ну так что он натворил? – прямо спросил Артем.

– Золото у одной знакомой украл, – так же прямо ответила мама панка. И опустила глаза. – Представляете, такой позор...

– Не слабо! – удивился Артем. – А это как, доказано?

– В милицию она не обращалась. Если вы это имеете в виду, – теперь женщина смотрела не совсем чтобы вниз, скорее, в угол кабинетика. – Он с ее дочкой дружит, часто у них дома бывал. Когда она поняла, что это он, то пришла ко мне... ну и, в общем... Если я не верну ей золота, она заявит в милицию. И тогда у Андрея будут крупные неприятности. Да и у меня тоже. Там деньги серьезные...

Артем задумался. Меньше всего на свете панк был похож на человека, которого может заинтересовать золото.

Вот его мама – да, она золото уважала. И сережки на ней были тяжелые, дорогие, и кольца. Артем видывал драгоценности высокого класса, эти же были просто магазинные, недавнего производства, и все же тянули немало.

– Печально все это, – сказал наконец Артем. – Значит, взял у вашей знакомой золото и удрал с бродячим цирком... Но зачем оно ему понадобилось?

– Зачем? – мама панка вскинула тяжелые от туши ресницы. – Зачем...

Понимаете... Вы, наверно, к нему не приглядывались... А он, вы понимаете... Ну, в общем, время от времени ему нужны деньги, а у родителей таких денег он попросить не может...

– Что вы имеете в виду? – осведомился Артем.

– Я, кажется, достаточно ясно сказала, – очень недовольно отрубилла женщина и вовсе отвернулась.

Очевидно, речь шла о наркотиках. Травка и маковая соломка, насколько Артем знал, не так уж дорого стоили, чтобы ради них на кражу пускаться.

Видимо, панк перешел на более серьезную отраву.

– Но если я вас правильно понял, то все равно странно получается, – продолжал отстаивать панка Артем. – Он целыми днями в цирке, и всегда вполне вменяем. Никто ничего такого за ним не замечал.

– Целыми днями? – возмутилась мама панка. – Может, он еще не знает, где у них тут «плешь?» – Какая еще плешь?

– Ну, место где они тусуются... Видите, и я по-ихнему уже заговорила... – тут только женщина соблаговолила чуть улыбнуться.

– Допустим, есть такое место, сам видел, – честно признал Артем. – Это в парке, тут рядом. Сидят они там на скамеечках и музыку слушают. Травку, правда, курят, спорить не стану, травкой пахло... Но вашего я даже с простой сигаретой не видел.

– Нужна ему больно простая сигарета...

Настало неприятное молчание.

Артем из принципа не соглашался с теми, кто считал молодежь потерянными поколением. Ну, слушают всякую дрянь, от которой оглохнуть недолго. Ну, одеваются на манер огородного пугала... Артем вспомнил Ику – и задумался, уж не ее ли мать утратила золото? Как ни хотелось Артему думать о молодежи хорошо, но все вязалось в узелок – видно, девчонка была в курсе Андреевых проказ и примчалась предупредить его об опасности. Поэтому и спряталась от его матери... Значит, совесть у панка нечиста.

– Хорошо, – решил Артем. – Я сейчас пойду поищу его. Он в цирке, ему еще с лошадьми разбираться. Вы подождите хотя бы в приемной, я его приведу.

Но почему вы раньше не приехали?

– Да я только на днях узнала, куда его черт понес! – в сердцах воскликнула мама панка. – Я от его друзей толку добиться не могла!

Представляете мое положение? Он мне запись на кассете оставил, чтобы я его не искала!..

– А запись эту можно послушать? – спросил Артем. В свое время он писал родителям послание на шести страницах мелким почерком, но все равно не убедил в прелестях цирка.

– Нет, – сказала женщина, – нет! То есть, у меня ее с собой нет. Зачем мне эту кассету с собой возить?

– Он там объяснил хоть, почему из дому удрал? – продолжал допытываться Артем. – Ну, я имею в виду, не касаясь золота...

– Да что он там будет объяснять... Скучно стало, надоело сидеть дома и так далее...

– Ясно. Второе отделение у нас короткое, так что подождите немного.

С тем Артем и отправился за кулисы.

Там, за кулисами, Гаврилов гонял панка.

– Он у нас звезда манежа, понимаете! Он у нас примадонна!

Очевидно, панк зазевался и не сумел как следует принять бегущих с манежа лошадей.

Винючник торжества мрачно водил по коридору под уздцы двух крупных мерин, серого в яблоках и вороного, а маленький Гаврилов, пятясь перед ним, продолжал читать нотации.

– Прими, Бонька! – сказал вороному мерину Артем, шлепнув его по крупу.

Тот подался в сторону, Артем проскользнул между лошадьми к панку, взял большое блестящее кольцо Бонькиных удил и повел лошадь плечом к плечу с Андреем.

– А вот и защитник пришел! – обрадовался Гаврилов, усмехнулся и очень похоже передразнил шпреха: – Твое приобретение!..

– Мое, – согласился Артем. – Вот сейчас я с ним и буду разбираться.

Поняв, что мамаша панк накрутила Артему хвоста за сына, Гаврилов деликатно отошел в сторонку – чтобы Артем спокойно мог сделать то же самое панку.

– Ну? Чего она? – спросил панк.

– Ничего хорошего. А сам не догадываешься?

– Догадываюсь, – буркнул панк. – Она вам что, все рассказала?

– Все или не все, сказать не могу. Думаю, что в основных чертах.

– Не может быть! – даже развеселился панк. – Вот прямо вам, ни с того ни с сего – и рассказала? Ну, она дает!

– Ты про мать-то вежливее, – напомнил Артем. – Она тебя выручить хочет.

– Откуда выручить?

– Давай, Андрей, перестанем-ка мы дурака валять, – одернул его Артем. – Ты сам знаешь, что перед отъездом натворил. Это выплыло на свет Божий. И, чтобы не доводить дело до милиции, твоя мама приехала за тобой.

– А при чем тут милиция? – насторожился панк.

– Когда человек не находит дома ценных вещей и догадывается, кто их утащил, то заявляет в милицию, – совсем уж доходчиво объяснил Артем.

Панк резко остановился.

– Я ничего у нее не брал! Я только сумку со своими вещами.

– О сумке никто и не беспокоится.

Артем тоже остановился, и они с панком, держа лошадей под уздцы, друг на друга уставились.

– Что она вам сказала? – нетерпеливо спросил панк, и прозвучало это грубовато, но Артем простил мальчишку – уж больно тот был перепуган. – Что она вам наговорила?

– Что ты позаимствовал золото у одной знакомой.

– Я? Золото? У кого? – голос сорвался в хрип.

– А вот этого она мне уже не сказала. У матери твоей подружки, если я правильно понял...

– Я? У тети Лиды, что ли?

– А у тебя одна подружка всего? – удивился Артем.

Панк пожал плечами. Откуда-то он знал, что речь тут именно о тете Лиде, и это не радовало. Вдруг он как бы понял, что речь идет о воровстве.

– Зо-ло-то?... – переспросил панк.

До него явно не доходила суть обвинения. Он резко пожимал широкими, но еще худыми плечами, даже руки его, непроизвольно согнувшись в локтях, дергались в стороны, как будто он пытался разложить на кусочки классический жест разведенных от удивления рук. Бонька шарахнулся и схлопотал от Артема локтем в грудь.

– Угомонись, – сказал ему Артем. – В жизни всякое бывает. Я допускаю, что тебе на что-то понадобились деньги. Но на твоём месте я отдал бы то, что осталось от этого золота, и не доводил бы дело до суда.

– Да ничего я не брал! – у панка наконец прорезался его обычный голос.

– Не брал?

– Точно – не брал! Так ей и скажите!

– Сам скажи.

Панк надулся.

– Не брал, значит... – проворчал Артем. – Ну, и такое тоже бывает. А почему тогда они обе за тобой принеслись – и мать, и эта, Ика... Ведь это Икина мама тебя обвиняет?

– Откуда я знаю! – не внушающим доверия голосом отругнулся панк.

– А ты не вопи, – одернул панка Артем. – Могло такое быть, что Икина мама ошиблась? Что просто подумала на тебя?

– Она вообще сумасшедшая, – неожиданно сказал панк. – Крейза в натуре. И ничего у нее не пропадало.

– Сумасшедшая – это совсем интересно, – Артем старательно выдержал спокойный и даже деловитый тон. – А откуда ты знаешь, что у нее после твоего отъезда пропадало или не пропадало?

– Действительно... Но я ничего у нее не брал.

– Почему же она тогда первым делом на тебя подумала?

Панк надолго замолчал.

– Ну? – напомнил о своем вопросе Артем.

– Врет она все, – сказал панк, – и крейза там крутая.

– Ты психиатр, что ли?

– Точно, крейза.

– Ну и в чем же симптомы этой крейзы? – решил добаться до истины Артем.

– Она что, на стенку лезет? Наполеоном себя называет? Или ей зеленые человечки мерещатся?

– Хуже... Вы не поверите...

– Да говори уж, – и, чтобы ободрить панка, Артем добавил: – Как-нибудь переварю.

– Она замуж собралась... – очень тихо отвечал панк.

– Интересно, – подумав, сказал Артем. – Уникальный случай. Женщина собралась замуж. Впервые в истории человечества.

Тут он сообразил, что эта уникальная женщина годится панку в матери. И что панк ее как пригодный для любви объект в упор не видит. Она – тетя...

– Андрей, я все понял, – Артем даже сам удивился, как помягчел его голос.

– Вот видишь ли, взрослые люди тоже иногда влюбляются, вступают в брак, даже любовью занимаются. Тут возраст ни при чем...

Панк остановился прямо на повороте и выглянул из-за лошадиной морды.

– Вот он-то и причем!

– Да говори ты толком! – не выдержал Артем. – Ну, собралась она замуж!

Так при чем тут ты?

– Она за меня собралась... – совсем потерянно сообщил панк, вдруг поднял глаза на Артема и совершенно по-детски добавил: – Честное слово!

– Бр-р! – ответил на это Артем.

Тут очень вовремя подошел Гаврилов и спросил, собираются ли они заводить лошадей в стойла, а если да – то сегодня или как.

Панк молча пошел хозяйничать, а Артем так и остался стоять у входа на конюшню, причем мысль у него в голове имела лишь одна: сегодня в цирке есть по крайней мере двое сумасшедших, и один из них – он сам, а второй, очевидно, панк.

Артему доводилось держать шизофреника за руки и проникновенно беседовать с ним о метафизике до приезда специализированной бригады. Тот безумец тоже говорил негромко, довольно связно, и даже как-то стеснялся своих феноменальных открытий. Допустим, панк рехнулся. Ему померещилось повышенное внимание сорокалетней женщины. Тогда Артем рехнулся вдвойне – ему кажется, что в признании панка есть какая-то доля истины...

Но в кабинете Никольского ждала мама этого удивительного жениха. И Артем решительно вошел в конюшню.

– Давай-ка подробнее, – велел он панку. – Значит, ты понравился этой тете Лиде и она захотела выйти за тебя замуж. Я правильно понял?

– Правильно, – удивился панк. И посмотрел через плечо. Очевидно, и сам понимал, как нелепо звучало его заявление.

– И как ты догадался об этом?

– Сама сказала...

– Прямо так и сказала? – Артему все сильнее чудилось, что это однажды уже было – он ласково расспрашивал безумца, изъятого из зрительного зала за попытку прочитать зрителям лекцию, и имел задание держать беседу, пока не приедет бригада...

– Ну, не прямо...

Это уже больше походило на истину.

– То есть, она тебе делала намеки?

– Да нет, подарки.

– И что же она тебе подарила?

– «Филлипс», ну, магнитофон. Потом на день рождения – плеер. Свитер еще.

– Допустим, – перешел в наступление Артем. – Что состоятельная женщина дарит молодому человеку, который ей нравится, магнитофоны, – это вполне естественно. А как молодой человек объясняет маме, где он взял «Филлипс» и свитер?

– А чего тут объяснять... – проворчал панк. – Она же при маме дарила.

– То есть как это – при маме? – изумился Артем. – И мама не удивилась?

– Не удивилась! – с отчаянием сказал панк. – Мама вообще на ее стороне...

– Ты хочешь сказать, что мама знает про это предложение и не возражает? – ощущая желание сесть хоть на пол, спросил Артем.

– Так я же говорю! – взвился панк. – Вот в этом-то и крейза!

– Не понял... – сам себе, а вовсе не панку сказал Артем.

* * *

Стоя у двери кабинета Никольского, Артем еще раз продумал защитную речь о панке. С золотом произошло какое-то недоразумение, а вернее всего – случился загадочный конфликт между панком и тетей Лидой. Они не поняли друг друга, панк дал деру. Но чего парень мог испугаться до такой степени, чтобы удраить в чужой город? Судя по Ике, в доме появляется довольно-таки нестандартная молодежь. Возможно, после отъезда панка что-то и пропало.

И в последнюю минуту он от всякой речи отказался. Не с того конца тут следовало начинать.

– Ну?... – с надеждой спросила мама панка, когда он вошел. – Что сказал Андрей?

– Поговорили мы с Андреем... – туманно начал Артем. – Парень он у вас непростой.

– Непростой, – согласилась мама.

– А, кстати, как вас зовут? – резко пошел на сближение Артем. – А то неловко получается...

И улыбнулся.

Сейчас он имел вполне товарный вид – оттер грим, принял быстренько душ, оделся скромно, неброско, но знающий человек оценит эти брюки, эту фирменную рубашку и эти туфли. А осветленные перекисью волосы смущали женщин только в первые минуты знакомства.

– Зовут меня Алла Константиновна, – строго сказала мама панка.

– Так вот, Алла Константиновна... Я, кстати, Артем... Так вот, разговор у нас с вашим сыном был долгий и у меня возникли кое-какие вопросы. Ему я их задал вскользь и ответа не получил, а хотелось бы. Может быть, вы?

Она пожала плечами. И посмотрела косо – мол, что еще за вопросы?

– Андрей и Ика давно дружат? – вполне невинно и очень даже издалека начал Артем.

– Да с пеленок! – улыбнулась Алла Константиновна. Еще не настоящей улыбкой, так, чуточку... Вспомнила себя молодой мамой, красавицей с очаровательным младенцем, на которого вся улица оборачивается.

– То есть, росли вместе? – уточнил Артем. И тут оказалось, что не совсем так – Андрей на два года старше, до школы они действительно были как братик и сестричка, потом у каждого появились свои интересы, а в последнее время опять подружились на почве кошмарной музыки.

– На биржу вместе ездят, – сказала мама панка, и тут же ей пришлось объяснять Артему, что «биржа» – это пространство между шоссе и лесной опушкой, вытопанное до каменной твердости, на самой окраине, и там собирается молодежь, чтобы вести кассетный бизнес – покупать, продавать, но главным образом менять.

Понемногу Артем понял, что Алла Константиновна любит своего непутевого сыночка, что позволяет ему прорву невинных глупостей – скажем, ручную крысу. Артем знал, как женщины обычно любят крыс, и счел это подлинным подвигом.

Тем непонятнее было ее поведение. Она знала свое дитя, она доверяла своему дитяти, и вдруг поверила, что он украл золото. Хотя довод был один – пропажа обнаружилась после его побега. Опять же, наркотики. Она почему-то была уверена, что золото будет продано ради приобретения наркотиков. Но парень вовсе не производил впечатления наркомана...

Артем практически не знал эту публику. В цирке она почитай что не водилась. Цирк как-то предпочитает алкоголь. Проспался, очухался – и пожалуйте на манеж. И посоветоваться было не с кем... вот разве что с Сережей... тот вроде был знаком с какой-то наркотой...

И разговор свелся к тому, что ради блага панка нужно немедленно его вернуть в родной город. Это будет лучшим доказательством, что он не крал золота. А если упрется... Ну, пусть хоть выйдет побеседовать к родной матери. А если Артем предварительно прочистит ему мозги – тем лучше.

Но когда Артем оставил Аллу Константиновну на вахте и пошел за панком, тот пропал окончательно. Посланные на поиски дети доложили – в общежитии нет, на цирковом дворе нет, в примерках тоже нет. А на конюшне и подавно.

Зато за кулисами Артем обнаружил Ику.

Все было очень просто – глазастые братцы-акробатцы увидели ее в ложе и в антракте нанесли визит. А после спектакля привели ее за кулисы и усадили на красный ящик с песком под щитом с противопожарными принадлежностями.

Здесь была общепризнанная курилка. Разговор шел под «Мальборо» и на интересующую всех троих тему.

– Саундгаден, – говорила Ика на нечеловеческом языке, – каннибалы, зе кюэ – хай класс, а это – Блоха и Антошка Кедов...

За прозрачную крышку кассеты была засунута фотография, где бесился четыре волосатых парня. При именах «Блоха» и «Антошка» братцы Тетерины переглянулись.

– Кидис, что ли? – осведомился один братец.

– Ага, Энтони, его Майден Антошкой зовет, – объяснила Ика.

Очевидно, следующим пунктом программы был чай в гримерке и прослушивание записей.

Увидев Артема, Ика сползла с высокого ящика.

– А что вы не пришли? – спросила она. – Меня вот ребята привели, а Андрюхи все нет и нет. Вы его не видели?

– А я как раз вас хотел спросить – вы с ним встретились?

– Не-а. Ребята сказали – он на конюшне, ему мешать нельзя, у него шеф строгий. Вот – жду...

– На конюшне его давно уже нет.

Ика с подозрением посмотрела на братцев-акробатцев.

– Сам слышал, как Гаврилов только что на него шумел! – сказал один братец. Артем еще не наловчился угадывать, который Саша, который Миша.

– Только что, говоришь? – Артем подумал, что поиски начинать следовало с Гаврилова. Он, скорее всего, последним видел панка.

– Ага, только что!

– Если появится – скажите, пусть тут меня дождется, – без особой, впрочем, надежды попросил Артем братцев-акробатцев.

– А он... Он с тетей Аллой... с мамой виделся? – Ика, если судить по встревоженной мордочке, знала, что панку грозят неприятности.

– С мамой он еще не виделся. А не мешало бы, – Артем строго посмотрел на девочку и задал суровый вопрос: – Вы в курсе дела?

– Ага, еще бы не в курсе... – буркнула Ика. И пошла за ним следом к гримерке Гаврилова, хотя Артем ее и не звал. Рюкзак почти волочился по полу. Артем опять взял его и понес, стараясь понять, какой смысл для девочек в этой моде на рюкзаки.

Гаврилов сказал, что панка в цирке нет. Что вышел через фойе, вместе с уборщицей Светой. У нее свой ключ от одной из больших дверей. И вместе со Светой пошел к троллейбусной остановке. А известно это потому, что панк взялся поднести ей тяжелую сумку.

– Давно? – спросил Артем.

– С четверть часа, – подумав, определил Гаврилов. Потом оказалось, что чуть ли не вдвое больше.

Артем с Икой вышли в фойе. В огромное, от пола до потолка, окно они видели остановку – и там было пусто. Выходит, проводив Свету, Андрей сгинул в неизвестном направлении.

– Это она виновата, – сказала Ика, и ясно было, что имеется в виду мать панка. – Незачем ей было приезжать!

– Но надо же как-то замять дело, – возразил Артем. – Нельзя же допустить, чтобы оно дошло до милиции. Вот Алла Константиновна и приехала. Или ваша мама насчет милиции погорячилась?

Ика посмотрела на Артема с изумлением – не могла понять, откуда он это знает.

– Ага, погорячилась, – смирившись со странной осведомленностью чужого дядьки, сказала девочка. – Вы ее не знаете. Она из-за денег...

Артем понял – она из-за денег кому угодно пасть порвет.

– И дорогие там были побрякушки? – осведомился он.

– Кольцо с брилликом, платиновое кольцо, цепочки разные, часы, кулон... – стала перечислять Ика.

– Вы все это, конечно, видели... А узнать могли бы?

– Конечно, узнала бы.

– И когда ваша мама заметила, что эти сокровища пропали?

– Дня два тому назад. Или нет, три...

– А когда Алла Константиновна узнала, где Андрей?

– Я этого Лешку убью, – вдруг сказала Ика, причем совершенно спокойно. – Лишь бы языком трепать! Во всем городе только мы двое знали, где Андрей.

– Может быть, он правильно поступил, – без особой уверенности заметил Артем. – Все-таки родителям не мешает знать, где их дети болтаются. И что было потом?

– Потом тетя Алла пришла к маме, они долго разговаривали, даже не на кухне, а в спальне. И тетя Алла поехала сюда, а я – тем же самым поездом, только в другом вагоне.

– Чтобы предупредить Андрея?

– Естественно, – взрослым тоном ответила девочка.

– И не боялись, что она вас опередит?

– А я на трамвае поехала, – в этом простом факте крылась какая-то хитрость.

– Ну и что? – не понял Артем.

– А она – на такси!

Тут он понял – на трамвае до цирка было остановки три или четыре, а таксист мог катать Аллу Константиновну по городу, сколько в душу влезет.

– Вы уже бывали здесь?

– Да, мы с мамой сюда ездили, когда я была маленькая. И два года назад здесь были.

– У вас тут родственники?

Ика пожала плечами.

– Не знаю, наверно. Мы у тети Лели жили. Может, она – родственница? Или дядя Юра?

Ну, ее муж. Кто-то из них, одним словом.

Артем вздохнул – счастливый возраст, весь мир – дяди и тети.

– Вы у нее будете ночевать?

– Боже упаси! – и девочка размашисто перекрестилась.

– Что так?

– Ага – ночевать! Она моим донесет.

– Тогда я вас в общежитии устрою, – решил проявить заботу Артем.

– Не надо меня в общежитии. Я сама разберусь. Вы только меня из цирка выведите. И покажите, где тут парк.

– В парке на лавочке??? – изумился Артем.

– Ага, на лавочке! Там место такое есть, где наши подвисают, – довольно-таки свысока объяснила Ика. – Андрей мне звонил, рассказывал.

Пойду, поищу Машку, стусуемся, что-нибудь придумаем.

– Машка? Это которая с Андреем?.. – нерешительно спросил Артем.

– Ну да! – довольная, что старый дядька все сразу понял, не кудахчет и не хлопает крыльями, отвечала Ика. – Она должна помочь. Не чужие, чай.

От такого заявления Артем лишился дара речи. Оно могло означать только одно... Артем внимательно оглядел Ику с головы до ног, но ничего, наводящего на сексуальные мысли, не обнаружил. Видно, у этих панков не только музыкальный вкус с вывихом, подумал Артем, и тут же сообразил, что Ике не нужна никакая сексапильность – это качество ей успешно заменяет возраст.

Конечно, Ика могла иметь в виду, что ее с Машкой объединяет страсть к кошмарной музыке и образ жизни. Но сказала она «не чужие, чай» тоном многоопытной и напрочь лишен-

ной предрассудков женщины. Это было дико – и все же более натурально, чем иллюзии на тему «Панки всех стран, соединяйтесь!» – Ну вот что... Из цирка выйдете сами. Кроме как через вахту уже нельзя. Но там, на вахте меня ждет Алла Константиновна. Я поведу ее в гостиницу, если она, конечно, сама о ночлеге не позаботилась. А вы, Ика, ждите меня на остановке, вон там. Не бойтесь?

– А чего мне бояться? – с презрением спросила Ика.

– Темнеет уже, – заметил Артем.

– На фиг я кому сдалась!

– Тогда по стойте тут минут пять, я за это время уведу Аллу Константиновну, и на остановку. Оттуда до парка, кстати, рукой подать.

По-моему, он даже виден с остановки... – Артем задумался на секунду, восстанавливая перед внутренним взором пейзаж с рельсами и навесом, куда прятаться от дождя.

– Только не надо больше ко мне на «вы», – попросила Ика. – Это мне в лом.

– Ладно, – не стал возражать Артем. Ему и самому казалась дикой собственная вежливость.

По дороге на вахту Артем забежал к Сереже. Тот уже собирался в гостиницу, да застрял возле маленького телевизора, обычной роскоши цирковой гримерки. Шел крутой боевик, Сережа следил за дракой с кислой миной профессионала и считал допущенные промахи. Его бархатные фраки и парчовые жилеты висели рядом на стояке.

Артем объяснил ему ситуацию. То есть, самую невинную ее половину. Без завиральных идей насчет украденного золота и жуткого сватовства. Это и впрямь звучало просто – пойти вместе с Икой и привести в цирк к маме беглого панка. Очень может быть, что балбес попросту торчит в парке и утешается музыкой. Тогда и проблемы нет. Но его могла увести к себе какая-нибудь Машка. Поздним вечером наносить Машке визит как-то удобнее вдвоем.

Сережа без лишних рассуждений выключил телевизор. И они пошли на вахту.

Почему два взрослых человека отправились за никому, в сущности, не нужным панком – этого Артем сам бы объяснить не мог. Алле Константиновне он ничего не обещал. То есть, из его поведения следовало, что он искренне хочет помочь, но конкретных действий это как-то не предполагало.

Сперва следовало засунуть в гостиницу маму панка. И тут оказалось, что у нее есть крыша над головой. Подруга дала ей адрес дальней родственницы, очевидно, той самой Лели, и предварительно туда позвонила. Алла Константиновна не знала только, как от цирка до родственницы добираться.

А самое скверное – не хотела к ней ехать, пока не найдется сын.

Артем долго ей внушал, что без нее розыски пойдут куда успешнее. Сережа стоял, молчал, хмурился, и наконец вмешался.

– Артем, или мы идем, или ты идешь один. У меня в одиннадцать межгород.

– У него в одиннадцать межгород, – без лишнего удивления подтвердил это вранье Артем и еще добавил своего. – Невеста должна позвонить, так сами понимаете...

Сережа, явно запомнив «невесту», шагнул с тротуара и остановил такси.

Остальное было делом техники.

Взяв у Аллы Константиновны телефонный номер, отправив ее на ночлег и пообещав ей звонить каждые четверть часа, Артем с Сережей обогнули угол и вышли к цирковому фасаду. Перед ним было пусто. На остановке никто не просматривался.

– В парк! – решил Артем. – Эта поганка без нас туда пошла.

Пока добрались до «тусовки», почти стемнело.

Народу там осталось очень мало – осенние вечера становился все прохладнее. Народ ужи-
нал баночным пивом и дешевым печеньем. И курил.

Некто с темным ликом и в темных ободранных доспехах встал со скамейки и неуверенно двинулся навстречу Артему с Сережей. Физиономия у него была плаксиво-бессмысленная. Сходящая в один волос борода, узкая грудь, покрасневшие глаза вызвали странную брезгливую жалость. В прорехах на коленях виднелась бледная, какая-то неприятная кожа. Сережа взял это чудо за плечи и аккуратно убрал с дороги. Оно не возражало и поплелось дальше.

– Это мы уже проходили, – сквозь зубы сказал Сережа Артему. – Жить голубчику осталось года два, не больше. Они, знаешь, себе семилетний цикл придумали. Можно помереть на седьмой год, на четырнадцатый и на двадцать первый. Ну, как колоться начнешь. А прочие годы, говорят, безопасные. И все это, что они могут вылечить, туфта.

Ика курила на лавочке с девицей примерно того же вида – ботинки, курточка, длинные волосы на прямой пробор и так далее. Только та была в юбке, и рюкзачок имела вполне цивилизованный. Сережа и Артем, подходя, оба незаметно принялись. Травкой вроде не пахло.

– Все в порядке, – встретила Ика Артема с Сережей. – Вот это Машка, я ее нашла, она меня к себе пустит переночевать.

– А куда Андрей денется? – ничтоже сумяшеся спросил Артем.

Девчонки переглянулись.

– Ну не могу же я его к себе взять, – сказала Машка. – Мои облезут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.